

ТАТЬЯНА УСТИНОВА

Безусловно увлекательное чтение

Новая книга Островской «Мечты о лучшей жизни» — изумительное и безусловно увлекательное чтение. Чистый адреналин, будто бы спускаешься с американской горки. Сплошь головокружительные — до звона в ушах — падения в пустоту неизвестности и молниеносные взлеты на невиданные доселе вершины. Нет времени, чтобы оглядеться и перевести дыхание!.. И совершенно точно не удастся разобрать, что произойдет с уже такими близкими и любимыми героями в следующую секунду, за следующим поворотом сюжета.

В романе «Мечты о лучшей жизни» скрыто множество реминисценций — безошибочно угадывается «Божественная комедия» Данте Алигьери, рассказы Сеттона-Томпсона и даже — вы не поверите! — старые голливудские боевики. С такой смесью дело иметь непросто: она крайне взрывоопасна при неправильном обращении. Малейший просчет — и автор рискует быть обвиненным самое меньшее в безвкусице. Да, написать подобный детектив может только понастоящему талантливый, смелый и уверенный в себе человек, точно знающий, что он делает.

И у Екатерины Островской все получилось! Ее новый детектив — отнюдь не пустое попури. «Мечты о лучшей жизни» — весьма эклектичная

книга, однако она абсолютно лишена всякой пошлости! Напротив, это фантастичная, детективная и немного наивная история, призванная интриговать, водить за нос, увлекать нас, читателей, в то же время способна очень многое рассказать о самом авторе. А это безусловный признак честной литературы. Островская вновь проявляет недюжинный талант алхимика, виртуозно сплавляя между собой, казалось бы, несовместимые компоненты — реализм и фантастику, саспенс и комедию, молитву и фарс, — и получает в итоге, может быть, и не философский камень, но уж точно захватывающий детектив.

В «Моральном кодексе строителей коммунизма» — нас когда-то всерьез заставляли его учить — было написано, что человек человеку «друг, товарищ и брат», а вовсе не волк, как выяснилось несколько десятилетий спустя, когда грянули девяностые. Можно смело утверждать, что Екатерина Островская сделала для воплощения этого принципа в жизнь гораздо больше, чем подавляющее большинство участников любого съезда КПСС!.. И дело, конечно же, не в насаждении спорной коммунистической морали или в следовании заветам отцов марксистско-ленинских теорий. Герои нового детектива Островской объединяются, помогают друг другу, приходят на выручку в самую трудную минуту и сообща ниспровергают вселенское зло!

Островская вообще славна умением работать с персонажами: она не боится снабжать их совершенно фантастическими биографиями, награждать редкими талантами и помещать в чрезвычайные обстоятельства. Но при этом герои Островской всегда остаются людьми. В романе «Мечты о лучшей жизни» они мыс-

лят, сомневаются, переживают, влюбляются очень по-человечески. Именно поэтому мы — благодарные читатели — с таким интересом следим, сочувствуем и шепотом причитаем: «Не ходи туда, не ходи туда, не ходи!..»

Лена лишилась любимого мужа и хорошей работы, но сдаваться она не намерена. Жизнь продолжается!.. Отправившись в деревню, чтобы перевести дух, она загадочным образом попадает в сферу интересов очень влиятельного человека — Леонида Чагина. Кто он? Что ему нужно? Можно ли ему доверять? Прямо у Лены на глазах начинается какая-то игра с непомерно высокими ставками, победитель которой получит все.

Когда происходит убийство, становится очевидно — хладнокровный, расчетливый киллер кто-то из ее соседей. Но кто? Найдется ли следопыт достаточно отважный, чтобы пройти по следу черного волка, вступить с ним в схватку и выйти победителем? И кто же такой на самом деле местный анахорет Николай, какие тайны хранит его темное прошлое?

У вас в руках удивительный детектив, дорогие читатели! А я, к сожалению, его уже прочитала. Что ж, теперь снова буду засыпать со Стругацкими и ждать нового приключения от Островской.

Часть первая

Надо же, еще вчера проливались дожди, обычные для начала октября, а сегодня с утра морозец. Лужи покрылись тонкой белой коркой, в которой отражалось небо и которая с хрустом ломалась под ногами прохожих, а под колесами машин с треском. Днем все это должно было растаять и превратиться в мутную осеннюю распутицу, в которой не будет отражаться ничего, кроме плохого настроения. До зимы еще не скоро, на деревьях еще дрожали редкие пожелтевшие листья, отчаянные грибники до сих пор топтали пригородные леса в поисках пней с опятами, но вот же, северный ветер дохнул инеем, и на утренних стеклах остались отпечатки пальцев заглянувшего в окна первого мороза.

Однако днем теплее не стало, даже наоборот — ртутный столбик термометра опустился к вечеру до отметки -5 .

Николай Сергеевич разогревал на завтрак остатки вчерашнего ужина и смотрел в окно, где белый бультерьер, стоя на замерзших комьях черного газона, крутил головой в поисках хотя бы одной уцелевшей дворовой кошки. Рядом с псом стоял хозяин, квадратный коротко стриженный мужчина — сосед

сверху. Полгода назад он купил две квартиры на втором этаже, объединил их, и теперь в трех квартирах в их подъезде проживает не так много народу: Николай Сергеевич и Варвара Петровна — ее дверь напротив, а также тот самый мужчина со своим бультерьером. Кстати, у Варвары Петровны до появления новых соседей обитали кошки, но все три ее любимицы исчезли одна за другой, попав в засаду по пути к родной форточке. Небольшому дому коттеджного типа, который построили после войны пленные немцы, было больше полувека, но за прошедшие годы он не терял своих жильцов так быстро, как за последние шесть месяцев. В здании имелось всего два подъезда, и старухи из второго, увидев во дворе квадратного человека с собакой, обходили парочку стороной, считая, что после кошек наступит и их очередь. Даже тихая и почти интеллигентная Варвара Петровна сказала как-то Николаю Сергеевичу, встретившись с ним на лестничной площадке:

— Этот, — пожилая женщина показала пальцем на потолок с прилепленными обгорелыми спичками и перешла на шепот, — всех нас своему псу скормит, а потом весь дом захапает.

Полный бред, конечно. Сам-то Николай Сергеевич ничего не имел против нового жильца, тот всегда вежливо здоровался с ним. Чуть позже, узнав, что сосед снизу ветеринар, мужчина стал заходить в квартиру звериного доктора уже по-свойски — для консультации. В начале лета годовалый бультерьер подхватил энтерит, и Николай Сергеевич колот ему интерферон и витамины. После болезни пес стал

настолько худым, что здоровяк-владелец уговорил ветеринара провести курс лечения нероболилом, что Николай Сергеевич сделал весьма неохотно — анаболик все-таки. Бультерьер быстро набрал мышечную массу, и теперь по двору гуляли два квадратных существа: коротко стриженный сосед и его уменьшенная копия — четвероногий культурист.

Вообще-то Николай Сергеевич тоже переехал в этот дом не так давно, поменяв свою однокомнатную на Петроградке на двухкомнатную здесь. На работу, правда, приходится добираться почти час, но Николай Сергеевич не жалел о совершенном обмене: хоть и окраина города, зато рядом лес, отчего воздух тут такой, которым можно дышать, а не задыхаться. На работу и к клиентам ветеринар ездит, как и прежде, на старенькой «Ниве», купленной в далекие времена, когда Николай Сергеевич был женат. Кстати, о разводе. Вчерашние магазинные котлеты, конечно, не самый лучший ужин, но каждый вечер есть пельмени, пусть и сваренные супругой, тоже рано или поздно надоедает. И никто с той поры не запрещал ему смотреть футбол. Можно даже прилечь на диван, поставить рядом стул, на него бутылку красного сухого вина и долго наслаждаться зрелищем, разбавляя вино газированной водой. Вот как, например, сегодня.

Матч начался, экран отражался в бутылке дешевого молдавского каберне — и тут раздался телефонный звонок.

— Николай Сергеевич, — раздался в трубке голос, — вы не могли бы сейчас подскочить?

— Кто это? — не понял ветеринар.

— Мне ваш номер дал Эдик Хохлов. Сказал, что вы неплохой специалист.

Господи, Эдик! Николай Сергеевич сто лет его не видел, с тех пор как ушел из цирка, где работал в паре с Хохловым. Эдуард любил прикладываться к бутылке, а не всем животным нравится запах перегара. Начальство не раз предупреждало Хохлова, но уволить не решалось — как ветеринар, он был выше всяких похвал. К тому же Эдик был человеком остроумным, и его шутки использовали на манеже многие клоуны.

Молодой специалист Коля Ребров, начав работать в цирке, частенько подменял уставшего к концу дня Хохлова, поэтому приходил домой, принося на подошвах не только запах мокрых опилок, но и... как бы это помягче сказать... остатки того, что порой лежит на полу в слоновьих вольерах. Его жена Мила морщилась, а когда приятельницы спрашивали ее, где трудится муж, отвечала: «В цирке помощником клоуна».

Сейчас Николай Сергеевич удивился, услышав слова собеседника: непонятно, откуда Хохлов узнал номер телефона этой квартиры? Хотя мир тесен, тут же объяснил он самому себе, обращать внимание на подобные мелочи не стоит.

— Я сегодня занят, — попытался отговориться Ребров, глядя на экран, где «Спартак» закатил первый гол. — Вот завтра — пожалуйста.

— Завтра и Эдик сможет, — возразил звонивший. — Но вы же понимаете: большое животное ждать не будет, ему ведь не объяснишь, что доктор перебрал, а у другого футбол.

«Он прав, конечно, — подумал Николай Сергеевич. — Съездить, что ли? В конце концов, опять же гонорар».

— Где вы находитесь? — почти согласившись, спросил Ребров. И, услышав ответ, воскликнул: — Что?

— Пятьдесят четвертый километр, — повторил голос в трубке. И тут же, догадавшись, что ветеринар может отказаться, мужчина добавил: — По два бакса за каждый километр в оба конца.

Двести шестнадцать долларов за визит? Надо ехать. Ничего себе у Эдуарда клиенты! Только следует узнать, что с собакой и какой она породы.

— Кто у вас? — спросил Николай Сергеевич, держа одной рукой трубку, а второй спуская с себя домашние брюки, чтобы затем натянуть джинсы.

— Ахалтекинец, — донеслось в ответ.

— Так у вас лошадь... — разочарованно вздохнул Ребров и потянул кверху пояс спортивных штанов.

— Эдик говорил, что вы и по лошадям специалист.

— Был когда-то, — соврал Николай Сергеевич, жалея о неполученном гонораре.

— Тогда подъезжайте, — настойчиво потребовал голос. — Лошадь, она и в Африке лошадь.

Пришлось все-таки надевать джинсы. В конце концов, завтра к владельцу заболевшего скакуна приедет Хохлов, а за ночь, надо надеяться, конь не сдохнет.

Километровый столб, поворот направо... Ага, вот коттедж из красного кирпича, окруженный высокой стеной. Металлические ворота раздвинулись автоматически, и Николай Сергеевич увидел спускающегося с крыльца плотного мужчину в дубленке, наброшенной на плечи. Хозяин особняка подошел к «Ниве» и протянул руку.

Ребров пожал широкую кисть и услышал:

— Пойдем в конюшню.

Великолепный гнедой жеребец с изящной шеей и небольшой головой лежал на подстилке, подогнув под себя мускулистые ноги. Увидев вошедших, он поднялся было, но снова опустился на землю.

— Как звать красавца? — спросил Ребров.

— Барыга. Сын Баргузина и Ригонды. Слышали о таких?

Николай Сергеевич зачем-то утвердительно кивнул, а потом ответил честно:

— Нет.

И начал осматривать лошадь. Делал это не торопясь, боясь ошибиться в диагнозе. Подчелюстные лимфатические узлы животного были набухшими, слизистая носа воспалена, но гноя не было.

— Я очень лошадей люблю, — говорил в это время хозяин, — собираю даже картины, где они нарисованы. Записываю истории про них. Мне особенно одна нравится, как леди Годзилла...

— Годива, — поправил Ребров рассказчика.

Но тот продолжал. Как будто ничего не слышал:

— Как леди Годзилла села голой на лошадь и проехала по всему Лондону, чтобы муж налоги уменьшил.

Николай Сергеевич решил не уточнять название города.

Владелец жеребца разошелся еще больше.

— Во дает баба! Я через Лондон полтора часа на «Ягуаре» пер, а она голая на лошади, да в оба конца. Представляешь? — Мужчина неожиданно перешел на «ты».

Ветеринар не обратил на его вольность ровно никакого внимания, занимаясь своим делом. А увлеченный человек неся дальше, размахивая руками.

— Это леди за народ так беспокоилась. Вот какую подлянку мужику своему кинуть захотела. А если б я попросил свою: «Сядь на Барыгу голой и под окнами налоговой один кружок сделай, чтобы мне процентов десять скостили» — ведь не села бы. Та для чужих старалась, а нынешние для мужа родного не пошевелиются. — Рассказчик перевел дух, а потом спросил озабоченно: — Что с конем?

— Начальная стадия мыта. Хорошо, что сразу вызвали, поэтому проблем не будет.

— Укол надо делать?

Николай Сергеевич кивнул.

— Мытный антивирус введу. Вообще пенициллин тоже хорошо помогает. Вовремя меня вызвали: абсцессов вроде нет, так что вскрывать не придется. Только попросите того, кто за конем присматривает, обработать конюшню раствором хлорной извести и эмульсией креолина.

— Сегодня же все сделаем, — закивал хозяин. — У меня тут туркмен всем занимается, он в лошадях разбирается — у себя дома на конезаводе работал.

— Тогда справится и с инъекциями тоже.

— Пусть только попробует не справиться, — без улыбки произнес владелец жеребца. Задумался и вспомнил, о чем рассказывал: — Картину я там же, в Лондоне, приобрел, на которой эта леди Годзилла на лошади нарисована. Красивая баба! А конь так себе, хуже моего Барыги.

Он продолжал говорить, а Ребров подумал: «Надо же, послушать его — пустой человек, а ведь дом такой имеет, собственную лошадь, и «Мерседес» у него наверняка. Доходы большие, раз о налогах так печется».

За окнами начался снегопад. И не просто крупинки первого снега полетели, а крупные хлопья повалили с неба. Когда мужчины вышли во двор, их подошвы утопали в мягком, пушистом белом ковре.

— Зайдем ко мне, чаю попьем, — предложил хозяин.

Но Николай Сергеевич покачал головой: начало одиннадцатого, завтра с утра на работу, а до дома еще добраться надо.

— Все равно пошли, я рассчитаюсь с тобой.

Ребров стоял в огромной прихожей, на стенах которой висели оленьи головы с рогами и просто рога без голов. Вскоре появился владелец Барыги и протянул тонкую пачку долларов.